

Женская красота не проявляется с самого детства. Она зреет внутри куколки, словно будущая бабочка, которая не сразу раскроет свои волшебные крылья. Эта куколка, казалось бы, не обещает явить миру ничего прекрасного. Но наступает положенный час, и... случается чудо!

Наталья Солнцева
«Пассажирка с “Титаника”»

Пролог

Что мы знаем о бабочках, кроме того, что уродливая гусеница в один прекрасный момент превращается в неподвижную застывшую куколку, а потом вдруг становится прекрасным легкокрылым насекомым, порхающим с цветка на цветок?

Существует очень красивая греческая легенда о происхождении этих удивительных созданий. Однажды богиня Флора решила сделать подарок могущественному Зевсу и сотворила для него невероятной красоты цветок. Восхищенный даром бог-громовержец коснулся губами лепестков, после чего цветок оторвался от стебля и упорхнул в небо.

Но есть и другая более зловещая версия. Бабочка — это душа человека, вылетающая из погребального костра.

Я хочу рассказать вам историю о маленькой одинокой бабочке Аполлон. Она родилась не от поцелуя бога, а обрела свои крылья на пепелище переплетенных судеб людей, которых любила. Очень долго Аполлон была некра-

Алекс Д.

сивой гусеницей, уныло влачащей свое существование, а после обратилась в куколку, застыв, исчезнув для себя и окружающего мира. И ее путь от темницы тесного кокона до обретения крыльев оказался долгим и мучительным.

Но оно того стоило, раз однажды ей удалось взлететь.

Глава 1

Наши дни, Лос-Анджелес

Марк

Я смотрю, как волны неспешно и вальяжно нака-
тывают на берег, снисходительно бросая брызги
мне в лицо. Сегодня океан молчалив и спокоен: голубая
гладь до самого горизонта, и непонятно, где закан-
чивается океан и начинается небо. Я прихожу сюда
каждый день на закате, чтобы застать момент,
когда огромный огненный шар, проделав свой долгий
путь, устало растворяет лучи в темнеющих водах,
окрашивая их алыми и бордовыми разводами. Небо ве-
личественно пылает, я поднимаю голову, заморожен-
ный, очарованный, ощущая как прохладный ветер
треплет мои волосы, пробирается под футболку,
оставляя соль на губах. И в этот момент я чувствую
себя почти счастливым. На меня накатывают вдох-
новение и трепет, которые требуют выхода, поэ-
тому иногда я беру с собой ноутбук и пишу историю
о том, как много лет назад полюбил девочку, кото-
рой было всего четыре года. Я пишу историю о своей
первой любви, меняя места, имена, события, города
и страны, оставляя главное — наши мечты, чувства,
встречи и расставания. Я ищу ответ за каждой но-

вой строчкой, каждым новым прожитым днем в нашем далеком прошлом. Мог ли я успеть, или у нас изначально не было никакого шанса? Была ли наша любовь иллюзией, мечтой, которой не суждено было сбыться?

Если бы мы были настоящими, то выстояли бы. Разве нет? Я знаю, что пройдет несколько лет, и все случившееся с нами покажется сном, размытым воспоминанием

«Я был ее первой любовью, а она — моей единственной».

Конец

Прошло два года с тех пор, как я завершил написание своей нелегкой исповеди. Я продолжаю возвращаться на пляж, где провел огромное количество часов, набирая текст и глядя на загорающийся рассвет, на волны, с остервенением бьющиеся о берег, и на алые всполохи в светлеющем небе. Я прихожу сюда ранним утром или на закате. Полной грудью вдыхаю соленый свежий ветер, а затем перечитываю обжигающие душу строки снова и снова. В них вся моя жизнь с того момента, как я помню себя, и до того, который предпочел бы забыть. Мое неуемное стремление жить быстро, ярко, на грани эмоций привело к неутешительному финалу — я везде опоздал и больше не верю, что для меня существует пресловутая чистая страница, новый этап или второй шанс почувствовать себя цельным. Я погружаюсь в воспоминания, которые не отпускают, не дают покоя, а после с разбега бросаюсь в бушующие или смиренные волны океана, чтобы смыть наваждение, одиночество, горечь и пустоту в разбитом сердце.

Я придумал собственный способ священного крещения и отпущения грехов. Океан ревел или шептал, качая меня, позволяя на мгновение забыться, очиститься от воспоми-

АПОЛЛОН

наний, в которых хранится так много всего и ничего правильного.

Написав финал своей личной трагедии и поставив жирную точку в прошлом, я никак не мог предположить, что эпилог моей истории станет прологом для новой...

Глава 2

Восемь лет назад, Лос-Анджелес

Кэрри

— Выпрыгивай, черт бы тебя побрал, — орет в рупор постановщик трюков Джош Каперски на каскадера, который находится в горящей машине, на полном ходу несущейся по оцепленному участку трассы. Окаменев от ужаса, я едва не пролила на себя кофе, неотрывно наблюдая за разворачивающейся сценой. Многочисленные камеры одновременно со мной улавливают момент, когда рискованный парень выскакивает из автомобиля. Кувырнувшись в воздухе, он приземляется на ноги и неторопливой походкой направляется в сторону съемочной группы. Его специальный костюм продолжает гореть, пока ребята из технического отдела бегут к нему с огнетушителями. Когда огонь полностью сбивают, каскадер снимает маску и невозмутимо улыбается пребывающим в шоке зрителям. Я с облегчением выдыхаю, поняв, что опасность миновала, а съемочная группа оживает, начиная свистеть и аплодировать.

— Шевели своей жирной задницей, клуша, — толкнув меня в плечо, рычит Сандра Коул. Ее красивое лицо искажено раздражением. Моргнув, я перевожу на красавицу рассеянный взгляд, ее слова доходят до меня с трудом.

Сердце хаотично бьется от испытанного страха за отчаянного каскадера. Закатив глаза, Сандра вырывает из моих рук пластиковый стаканчик и направляется к дымящемуся парню. С досадой и завистью я смотрю, как она отдает ему кофе и как его сильная рука обвивает ее талию, властно привлекая к мускулистому телу. Сандра Коул — новая голливудская звезда, она играет главную женскую роль в шпионском блокбастере, на съемках которого я подрабатываю в свободное от учебы время, выполняя самые разные мелкие поручения. Девочка на побегушках. На меня обращают внимание только в случае, когда не на ком больше сорвать плохое настроение. На площадке полно роскошных красавиц с мировыми именами и модельной внешностью. А мое лицо и фигура далеки от шаблонов красоты. Полная, невысокая, еще и с угревой сыпью, с которой я борюсь с шестнадцати лет, но безнадежно проигрываю. Вряд ли кто-то из огромного коллектива, работающего над фильмом, запомнил мое имя. Даже охранник прежде чем пропустить всякий раз требует пропуск, хотя я бываю тут каждый день. Прихожу сразу после занятий в университете и остаюсь так долго, как могу. Я не жалуясь. На самом деле мне чертовски повезло, что я вообще попала в состав съемочной группы. Я обожаю кино с детства, одержима не столько конечным результатом, сколько кропотливым процессом его создания. Если бы не моя невыразительная внешность, я бы грезила, как и многие девчонки, о карьере актрисы, но, трезво рассмотрев свои шансы, подала документы в UCLA на режиссерский факультет. И, отучившись полгода, уже точно решила, кем стану в будущем.

— Я всегда говорил, хороших каскадеров в Голливуде пруд пруди, а гениальный — один. И это Марк Красавин, — хвалит каскадера режиссер фильма, пожимая его руку. Роберт Мейн — отвратительный тип, требовательный, безнравственный и непредсказуемый. Он жесткий даже со звездами, но как режиссер — гениален.

— Молодец, парень, — продолжает он. — Точно не хочешь попробоваться на мужскую роль? У тебя невероятный магнетизм. Смотри, как наша Сандра к тебе прилипла, — Роберт ущипнул главную суку, пардон, актрису за щеку.

— Нет. Я не актер, Роберт. Но спасибо, — с вежливым равнодушием отзывается Марк, продолжая лапать Сандру и пить кофе, который я должна была ему отнести. Но так растерялась, когда Красавин на несколько секунд дольше положенного задержался в горячей машине, что едва не заработала инфаркт в свои неполные девятнадцать.

— Зря, мальчик, гонорары другие, известность. Данные у тебя есть. Бабы любят. Ты же у нас даже Джимми затмил. Среди женского состава просто фурор, когда становится известно, что за каскадер будет работать в картине.

Джимми — актер, которого дублирует Марк Красавин, выполняя за него все сложные трюки. Как и Сандра, Джимми Броуди — голливудская звезда, секс-символ, но я никогда не считала его привлекательным и не вешала постеры со смазливой физиономией Броуди на стенах своей комнаты. Я давно и безнадежно запала на парня, который горит, прыгает и летает в кадре. Мейн прав, у Марка Красавина есть все, чтобы затмить Джимми и любого другого избалованного славой актера с мировым именем. Он настолько горяч, что мне самой требуется огнетушитель, когда я смотрю на него, просто смотрю. Мы ни разу не разговаривали, хотя я пару раз приносила ему кофе. Уверена, он не замечает меня точно так же, как и все остальные.

Я давно смирилась с ролью невидимки, которую играю со школы. В университете у меня тоже нет друзей, с которыми я могла бы поговорить по душам. Разве что есть Ари, но она не подруга, а скорее приятельница. Сумасшедшая девчонка, совершенно безбашенная. Она чуть не сбила меня на своем байке в первый день занятий. Я немного опаздывала и перебежала дорогу, не посмотрев по сторонам. Ари, уклоняясь от столкновения, вылетела на обочину

и свалилась, порвав свои кожаные штаны. Мне пришлось купить ей новые. Так и завязалось общение. Потребительское с ее стороны.

Иногда Ариана наглеет и является ко мне без приглашения, остается на ночь, но я терплю. Мне даже приятно заботиться о ком-то. Ари популярна в университете, и ее обожают парни, но надолго не задерживаются, не выдерживая бешеной энергетики и взбалмошного характера. Уверена, что, появившись она на площадке, Красавин точно бы обратил внимание на рыжую беспредельщицу. Я и сама стала своего рода жертвой ее безумного магнетизма и невероятной свободы, которые она излучает каждым своим словом и действием. Если бы я могла вот так же легко жить и мыслить. Но мы настолько разные, что я каждый раз удивляюсь, зачем она вообще со мной возится?

Вероятно, каждому безумцу нужна тихая гавань, и Ари Миллер нашла таковую во мне. Единственное, что я не приемлю в ее поведении, — это легкомысленное отношение к парням. Она заводит романы настолько часто, что я давно сбилась со счета. Иногда морочит голову сразу нескольким. Я бы так не смогла, даже имея яркую внешность, как у Ари. У меня старомодные взгляды на взаимоотношения между мужчиной и женщиной. Я отлично понимаю, что с такими принципами у меня мало шансов найти себе бойфренда, подходящего под мои многочисленные критерии. И меня это не удручает. Совсем.

Я по-настоящему счастлива наедине с собой или здесь — в закулисье киноиндустрии. Хотя работа дается мне нелегко и очень несладко. Все, начиная от технического персонала до помощников режиссера, норовят унизить или оскорбить, ткнуть носом в мои промахи, а я не могу набраться смелости, чтобы ответить на грубость или постоять за себя. Это жалко звучит, но я с детства болезненно застенчивая.

Мама была другой, она... Я не хочу о ней вспоминать. Это больно. Мы переехали из Франции в Голливуд, когда мне

только исполнилось семь, и город грехов сожрал ее, поглотил, перемолол и выплюнул. А мой отец ничего не сделал, чтобы помочь, не было ни малейшего интереса и участия с его стороны. Мы просили о помощи. Мама просила, но, когда он вспомнил о нас, было уже слишком поздно.

Моя мать выпала с двадцать третьего этажа отеля «Плаза» во время вечеринки. Свидетели говорят, она была под кайфом. Я не сомневаюсь, что показания и слухи правдивы. Ее образ жизни допускал и даже приветствовал употребление алкоголя и запрещенных препаратов. Когда-то мама была неплохой актрисой и моделью, но в последние годы ей не везло с работой и она отчаялась, упала духом, а потом пошла по рукам. Бесконечная вереница мужчин, наркотики. Я обращалась к отцу, умоляла вмешаться, но ему было удобнее жить так, словно нас не существует, словно он стыдился нас, словно мы недостойны.

Я пыталась изменить его отношение, старательно училась, участвовала в олимпиадах, но он даже слышать не хотел о моих достижениях. Я не входила в круг его интересов, и в напряженном графике жизни моего отца не было ни одного «окна» для некрасивой дочери. Мама рассказывала, почему так вышло. Отец меня не хотел, настаивал на аборте, но она уехала в Париж и там родила, а потом вернулась и... Короче говоря, он не обрадовался ни встрече с ней, ни со мной. После гибели мамы ничего кардинально не изменилось. Меня по-прежнему для него нет. Тень. Невидимка. Обуза.

Но я заставлю его изменить свое мнение. Однажды он будет гордиться мной. Может быть, у меня нет красивой внешности, как у матери, но я не глупа. Преподаватели хвалят меня и выделяют среди других студентов. Немного удачи, и я обязательно добьюсь успеха на выбранном поприще.

— Роберт, ты уверен, что не нужен еще один дубль? — обращается Марк к Мейну.

У парня очень глубокий и чувственный голос, я снова залипаю, глядя на его обтянутые латексным костюмом рельефные мышцы. Краска приливает к щекам и интимным местам, обреченным на вечную девственность.

Однажды я видела его голым. Совершенно случайно. Заносила что-то из реквизита в гримерку, а Красавин в это время плескался в душе, не соизволив закрыть дверь. Боги, это было незабываемое, крышесносное зрелище. Круче, чем на площадке. У него обалденное тело, и, если бы не огромное количество татуировок, я бы смело причислила Красавина к гребаному эталону абсолютного мужского совершенства. Мне сказочно повезло, что парень не заметил меня, пока я пялилась на его задницу, обливаясь слюной. Ради такого как Красавин я бы забила на все свои критерии и позволила себе на пару мгновений превратиться в Ари. Она бы точно не упустила момент. Жаль, что я всего лишь бледная невыразительная Каролин Симон.

— Все отлично. Отдыхай, Марк. Завтра в шесть на площадке. Много не пей, — насмешливо отвечает Мейн, переключая свое царственное внимание на Джимми и Сандру, которая нехотя отрывается от единственного кумира моих грез. — Что стоим, оболтусы? Работаем. Еще три сцены, а они даже текст не повторяют.

За моей спиной раздается раздраженный женский голос:

— Ты опять зависла? Тебя Кармен повсюду ищет. Ей нужна помощь с новым реквизитом.

Повернувшись, я чуть не влетаю в костюмершу. Кажется, ее зовут Мэри. Симпатичная стройная блондинка, почему-то уверенная в том, что я нахожусь в ее личном подчинении.

— Совсем ослепла? Куда прешь? — хамит она. Потом переводит взгляд за мою спину и резко меняется в лице, растягивая губы в улыбке, предназначенной точно не мне. И не надо оглядываться, чтобы понять, кому именно.